

С.М. Перевалов

Заметки к чтению «старых и новых» памятников аланского имени и аланского языка

С.М. Перевалов*

Надо принять во внимание, что в гуманитарных дисциплинах вообще свои правила игры, профессионалов без работы с текстами здесь не бывает, их не признают за ученых.
Александр Ф. Филиппов.

Источниковедческое направление в аланистике, которое я рассматриваю как приоритетное для перспектив научной дисциплины, встречает трудности в понимании у людей, не приученных работать с первоисточниками и довольствующихся переводами или интерпретациями, заимствованными у предшественников, т. е. сведениями из вторых и третьих рук. По этой причине я полагаю нужным время от времени, в дополнение к собственно исследованиям, приводить разъяснения по поводу приемов работы как с источниками, так и с историографией источников. Поводом к настоящим заметкам стала статья А.А. Туаллагова [22], в которой он не только предлагает собственные спорные толкования памятников, но и высказывается по некоторым вопросам научной этики, как то: правила цитирования, критерии оценки вклада ученых в изучение того или другого памятника. Его статья, конечно, отражает личные взгляды и подходы автора, но они вызрели на почве, питающей многих алановедов, к которым и обращены нижеследующие комментарии.

А.А. Туаллагову в целом присущ критический настрой по отношению к автору этих строк и охранительный – в отношении «отечественных исследователей», которых – индивидуально или in cogrore – приходилось критиковать уже мне за их непрофессионализм. Предметом критики Туаллагова в этот раз выбраны мои толкования некоторых надписей, до того неизвестных в отечественной литературе об аланах; при этом Туаллагов отказывается им в «новизне», ставя слово «новые» в иронические кавычки.

Отмечая похвальное стремление отстоять, пусть даже в полемическом стиле, собственную

точку зрения, не могу согласиться с конкретными выводами автора по той причине, что они не основаны на знании предмета. Остановлюсь на двух показательных для метода А.А. Туаллагова примерах.

1. «Алонта» Птолемея (Geogr. 5.8.6 Müller = 5.9.12 Nobbe)

Вопрос поднимается А.А. Туаллаговым в связи с предполагаемой кавказской локализацией реки Алута из надписи Юлия Мансвета, солдата I легиона Минервы, из Нижней Германии (CIL.XIII. 8213 = ILS. 4795), и возможным отождествлением ее с рекой Алонт у Птолемея (Аландон «Ашхарацуйц», ассоциируемый с современным Терекком). Туаллагов при этом указывает неверные страницы моей рецензии на книгу Т.А. Габуева (ВДИ. 2002. № 2, с. 210 вместо 211–212) и называет книгу Г. Шрамма, на которую я сослался не в рецензии, а в другой своей статье «Бакур-алан из древней Иберии»: это технические и легко поправимые ошибки, которые я отмечаю ради точности. Проблемы интерпретации надписи Юлия Мансвета здесь не обсуждаю: случай неоднозначный, и возможны разные точки зрения, о чем я писал и раньше, так что никакой «резкой смены» позиции у себя я не нахожу, в моих тезисах 2002 года надпись помечена как dubia. Утверждение Туаллагова [21, с. 26], будто я высказываю собственное мнение, «что в ней речь идет о Тереке (Алута = Алонт. – С.П.)», неверно: я лишь привел имеющиеся в историографии мнения ученых, воздерживаясь от окончательного вердикта (что, кстати, делает и Туаллагов). В отличие от Алуты из надписи Юлия Мансвета, ситуация с р. Алонт Птолемея более ясна, по

* Перевалов С.М. – к. и. н., с. н. с. СОИГСИ.

крайней мере, в том, что касается самого гидронима. Не очень ясна цель, с каковой Туаллагов вступает в полемику следующего рода.

Цитирую: «В дальнейшем С.М. Перевалов уже не упоминает о возможности приведенного им отождествления. Со ссылкой на Г. Шрамма он полагает, что название реки было не Алонта, а Алонт (Ptol. V, 8, 6) и могло отражать не название алан, а быть связанным с древнеиндоевропейским гидронимическим пластом. Причем, отмеченный именно Г. Шраммом факт того, что у Птолемея название реки стоит в родительном падеже (Ἰλόντα), с приведением формы именительного падежа Ἰλόντας, выливается у его последователя в критику построений В.И. Абаева в духе Г. Шрамма. Но сопоставление корректных названий рек из эпиграфического памятника и из произведения Птолемея (с предложением исправления чтения во втором случае на Ἰλούτας), было произведено гораздо раньше отмеченных С.М. Переваловым авторов, что было хорошо известно и отечественным исследователям также задолго до них (ссылка на работу А.Н. Генко. – С.П.). [...] С.М. Перевалов, резко меняющий и не упоминающий свою первоначальную позицию, просто идет за Г. Шраммом. Тот же, в свою очередь, просто игнорирует историографию вопроса. Решение о древнем индоевропейском происхождении названия р. Алонт было высказано еще в 1950-х гг. Оно давно отражено и в русскоязычных изданиях, а некоторые исследователи связывали его, например, с носителями древнеямной археологической культуры» ([22, с. 158–159]; то же в другой статье [21, с. 25–26]).

Надо иметь в виду, что Туаллагов тоже относит себя к сторонникам индоевропейской (более древней), а не аланской версии происхождения названия реки. Тогда что он хочет доказать? Что Шрамм и Перевалов не первые, кто обратил внимание на сопоставление названий Алута и Алонт? Ни Шрамм, ни я на это не претендовали, тем более не предлагали исправить Птолемею Ἰλόντα на Ἰλούτας, за себя могу сказать точно. Или смысл в том, что мне надо было сослаться на А.Н. Генко, а не на Г. Шрамма? Но я привел книгу Г. Шрамма (в гораздо более кратком дискурсе, чем Туаллагов) не для доказательства правильности конкретного чтения Алонт у Птолемея: здесь важнее данные источника. Работа Г. Шрамма представляет широкое исследование по гидронимии Восточной Европы, где применяется ценный мной комбинированный историко-филологический подход (см. рецензию А.А. Молчанова [8]), позволяющий включить вопрос о реке Алонт в более широкий контекст – истори-

ческий и лингвистический. Из множества исследователей, занимавшихся индоевропеистикой (хочется все-таки вернуться к термину «индогерманистика»), я сослался на Г. Шрамма, а не, скажем, В.И. Георгиева, поскольку метод первого считаю более надежным, а аргументацию – более современной.

Но, похоже, Туаллагова больше беспокоит не сама научная проблема, а вопрос приоритета: кто первый, причем ему очень не хочется, чтобы таковым был автор этих строк. Отсюда претензии: С.М. Перевалов судит о проблеме Алонта/Алута, «просто следуя разработкам зарубежных авторов» [21, с. 26], «просто идет за Г. Шраммом» [22, с. 158], оба мы – «Г. Шрамм, а за ним и С.М. Перевалов, игнорируя историографию вопроса, совершают свое “запоздалое открытие” о возможном индоевропейском происхождении названия р. Алонта [...] Мнение С.М. Перевалова всецело зависит от мнения Г. Шрамма, т. к. незадолго до этого он допускал сопоставление названий Алонта и Аландон» [21, с. 26]. Словом, ничего «нового», оригинального С.М. Перевалов (а за компанию со мной, и Г. Шрамм) не внес. Обычный начетчик, а то и похуже, поскольку получается, что я присваиваю себе «открытия» других.

Г. Шрамма оставлю в покое, буду говорить за себя. Напомню известное правило: полемизировать надо именно в границах, обусловленных предметом, не подменяя тезиса. Мое обращение к теме Птолемеевой «Алонт», наиболее развернутое в статье 2003 года, не имело целью совершить «открытие» касательно индоевропейского происхождения названия. Я работал с конкретными свидетельствами аланского имени, и их анализ, а не чье-либо чужое (Г. Шрамма или кого-то другого) мнение, подвиг меня к критическим замечаниям в адрес В.И. Абаева.

Что нового в моей критике В.И. Абаева? В аргументации. Напомню, о чем шла речь в моей статье [14]. В.И. Абаев (а за ним и другие) трактовал Ἰλόντα как составное слово, состоящее из осетинского (аланского) племенного названия al(l)on, снабженного «осетинским показателем множ. числа» [1, с. 246], т. е. alon+ta (= ос. tæ). Из этого, по В.И. Абаеву, следовало, что знаменитый переход г в l перед i (вар. у), представляющий «характерную черту исторической фонетики осетинского языка», произошел уже ко времени Птолемея, т. е. II в. н.э., когда завершилась эволюция: «aryana→alyana→al(l)an: ἸΑΛΑΝΟΙ, Alani ‘аланы’, ос. allon» [2, с. 334]. В.И. Абаев обратился к данным Птолемея с подачи того самого А.И. Генко, которого читает А.А. Туаллагов, и пришел к выводам безусловно неверным. Прежде всего, та в слове Ἰλόντα не является окончанием,

тем более множественного числа, как в греческих словах на *-ται* (*Μασσαγέται*, *Σαρμάται* etc., аргументацию за *-ται* = *-тæ* см. [2, с. 338–341]). Формант *-υτ-* здесь является суффиксом, неделимой частицей, и отрывать вторую букву от первой, перенося ее в окончание, нельзя. Само слово стоит в единственном числе, и не в именительном падеже, а в родительном. Для того чтобы это понять, не нужно «просто идти» за Г. Шраммом (который, кстати, эти вещи не разъясняет), надо «просто идти» за Птолемеем, где читается: *Ἰλόντα* *ποταμοῦ ἐκβολαί* – «Алонта-реки устье». Здесь есть некоторые нюансы. Слово *ἐκβολαί* стоит (как и в других случаях) во множественном числе (устья), вероятно, из-за того, что река при впадении в море образует дельту [9, с. 128]. *Ἰλόντα* – возможно, из-за ошибки переписчика – имеет необычное окончание (*α*), нуждающееся в корректировке¹; однако ясно, что слово стоит в *gen. sg.*, поскольку относится к *ποταμοῦ* («реки», *род. п.*). Поскольку при транслитерации греческих слов на русский язык принято исходить из формы основы косвенных падежей, название реки следует передавать как «Алонт». Греческая форма именительного падежа восстанавливается предположительно, *Ἰλόντας* Г. Шрамма – один из вариантов, не самый удачный.

Другой аргумент против вывода В.И. Абаева, не использованный никем до меня, – жинвальская надпись «Бакур-алан», в которой отмечена доосетинская, если так можно выразиться, форма аланского имени: *alana*, но не *al(l)on*, как было бы по В.И. Абаеву. Надпись найдена в непосредственной близости от истоков Терека (если видеть в нем древний Алонт), ее датировка почти совпадает с «Географией» Птолемея, это конец II–начало III в. н. э. В отношении этого памятника у А.А. Туаллагова тоже имеется свое особое мнение.

2. «Бакур-алан»: надпись на инталье из жинвальского могильника (древняя Иберия)

Надпись стала обсуждаться в алановедческой литературе не так давно: в этом году можно отметить десятилетие, считая с первой публичной демонстрацией надписи автором этих строк на Крупновских чтениях 2002 года [11]. Надпись имеет основания считаться древнейшей аланоязычной, что придает ей особую ценность. Свой

вклад в историографию надписи решил внести и А.А. Туаллагов, присущим ему способом. Похоже, что и здесь его волнует главным образом первенство, хотя именно с этим вопросом возникать не должно. Инталья найдена в 1974 г. археологами В.В. Чихладзе и В.В. Николаишвили, первое известное мне краткое сообщение о находке, с упоминанием начального слова «Бакур», было опубликовано в 1976 г. [20], А.А. Туаллагов нашел и более раннюю публикацию 1975 г. Прочтение всей надписи как *ΒΑΚΟΥΡ ΑΛΑΝΑ* – заслуга Д. Браунда [28, р. 247. Pl. 20], оценка как исторического источника по присутствию аланов в Иберии – Э. Уилера [37, р. 59], первое толкование ее как восточноиранской (аланской) принадлежит мне [11; 14]. Фотографию и прорисовку надписи см. [18, с. 6. Рис. 1].

Тем не менее А.А. Туаллагов вменяет мне в вину то, что в первых публикациях (тезисы 2002 г. и рецензия на книгу Т.А. Габуева того же года) у меня отсутствуют «указания на приоритет Э. Уилера в чтении аланской составляющей надписи» [22, с. 162], а кроме того, я упустил упомянуть еще пару публикаций грузинских археологов 1975–1976 гг. со ссылками на находку, причем Туаллагов видит в этом определенный «историографический подход» [22, с. 162].

У меня, действительно, есть свой историографический подход, и он состоит в том, чтобы обращать внимание на те работы, которые продвигают решение проблемы, и оставлять в стороне менее важное. Если мы будем разбрасываться по мелочам, заниматься блохоискательством, мы обречены на то, чтобы вечно топтаться на месте. Уточнения, сделанные А.А. Туаллаговым по первым публикациям грузинских археологов, – бесполезны, но сейчас представляют интерес скорее библиографический, нежели историографический, поскольку никак не повлияли на изучение проблемы. Я не читал (ни тогда, ни сейчас) те две публикации (1975 и 1976 гг.) грузинских археологов, но задаю вопрос: что они дают для определения интальи как источника по аланам? Описание находки – то же самое, что в известных мне публикациях 1976 и 1980 г. Р.М. Рамишвили, В.А. Джорбенадзе, В.В. Чихладзе, В.В. Николаишвили: из надписи *ΒΑΚΟΥΡ ΑΛΑΝΑ* упоминается только имя «Бакур», о втором слове ничего не говорится. Могла ли помочь фотография, опубликованная в неиспользованной мной

¹Необходима сверка с возможными разночтениями в рукописных текстах. Я пользовался изданием: *Claudii Ptolemaei Geographia*. / Ed. C.F.A. Nobbe. T. II. Lipsiae, 1845, как известно, лишенным критического аппарата. Несколько лет назад появилось, наконец, полное, с использованием древнейших рукописей, критическое издание Альфреда Штукельбергера и Герда Грасгоффа (*Klaudios Ptolemaios. Handbuch der Geographie. Griechisch-Deutsch. Hgb. v. Alfred Stückelberger und Gerd Graßhoff unter Mitarbeit von Florian Mittenhuber, Renate Burri, Klaus Geus, Gerhard Winkler, Susanne Ziegler, Judith Hindermann, Lutz Koch, Kurt Keller. Einleitung, Text und Übersetzung, Index. 1. Teil. Einleitung und Buch 1–4. 2. Teil. Buch 5–8 und Indices. Basel, [2006]. 1018 S., Abb.*), но у меня пока не было возможности ознакомиться с ним.

книге? Так думает А.А. Туаллагов: «Публикация фотографии печати уже позволяла более точно судить о надписи. Но, к сожалению, она тогда не привлекла внимания других исследователей, возможно, в силу прежнего малого внимания специалистов по истории алан к закавказскому региону того периода» [22, с. 161]. А каким образом фотография без точного описания могла «привлечь» алановеда, собирающего материал? Практикующие историки ведут библиографический поиск по разным направлениям. Искать в безбрежном океане книг, каталогов, отчетов, фотографий из множества мест, где проводятся археологические раскопки, или находятся собрания древних текстов, безымянную и неидентифицированную информацию о присутствии аланов – все равно, что искать иголку в стоге сена: задача непосильная. Наука – сотворчество тысяч и тысяч исследователей, делающих общее дело и представляющих результаты своего труда публике через публикацию. В данном случае точная публикация артефакта отсутствовала. Сама по себе фотография жинвальской надписи, без детального обследования и описания ее специалистом, не давала гарантий верного ее толкования, тем более, что в документах раскопок имелась неточная прорисовка надписи, которую рисовальщик прочитал как ВАКОУР АМНА (С) ([24, Табл. XVII; 4, с. 76; 5, с. 131]; об этом: [17, с. 203]). Жинвальская надпись до меня исследовалась одним из опытейших эпиграфистов Грузии Т.С. Каухчишвили, и именно ею был вынесен вердикт: надпись грекоязычная и ее следует читать ВАКОУР АМНАС (*Бакур-овца* или *Бакур-агнец*, иносказательно *Бакур-сводник*²). Другой практикующий эпиграфист, А.Ю. Виноградов, человек, которого трудно заподозрить в незнании методики чтения надписей, признавал верным чтение Каухчишвили, отвергая «аланскую» версию (<http://ampelios.livejournal.com/54249.html#comments>) [17, с. 202], остался при своем и после просмотра фотографии. Оптимизм А.А. Туаллагова, задним числом поучающего, как надо вести исследования, ни на чем не основан.

С учетом реальных трудностей следует оценить заслугу Д. Браунда, который, несмотря на авторитетное мнение Т.С. Каухчишвили, читавшей надпись как ВАКОУР АМНАС [33, S. 35, 263, 343]³, дал другую версию, именно: ВАКОУР АЛАНА⁴, позднее подтвержденную исследованиями А.С. Балахванцева (в соавторстве с В.В. Николаишвили) и моими (по автоп-

сии). Отсутствие специального комментария к слову АЛАНА не снижает значения публикации Д. Браунда: историк-древник в состоянии понять значение греческого или латинского слова без перевода на современный язык, а искажение в начертании ~~ВАКОУР~~ вместо правильной формы ~~ВАКОУР~~ – обычное дело в греческой эпиграфике. Sapienti sat. Поэтому именно Д. Браунд у меня фигурирует как первый публикатор полной надписи с аланским именем. А.А. Туаллагов, не владеющий древнегреческим, полагает, что без перевода на современный язык (тот же английский), невозможно разобраться в аланском контексте надписи, но это его проблемы. Для него важен «приоритет Э. Уилера в чтении аланской составляющей надписи» [22, с. 162], то, что именно «Э. Уилер впервые определил содержание надписи как “*Bakur the Alan*”, т. е. “Бакур – алан”» [22, 163]. Такое впечатление, что А.А. Туаллагов только повторяет мои ссылки на Уилера, но сам его не читал, иначе он обратил бы внимание на следующие оценки роли Д. Браунда самим американским исследователем (цитирую).

Indeed B(raund) now reports new evidence to support this (about ‘Sarmatianization’ of the Iberian ruling class – S.P.) thesis: a seal stone in intaglio, found at Jinvali [...] and dated probably to the third century, bears a Greek inscription reading *Bakour Alana*, i.e. “Bacur the Alan” (p. 247 with photograph) [37, p. 59].

A second inscription, though found in 1976 at Jinvali at the confluence of the Aragus and Ksani rivers, first reached the West in Braund’s work of 1994 (247 with pl. 20). This intaglio seal-stone, probably of the 3rd century, records a *bakour alana*. [38, p. 219].

Э. Уилер, как видим, легко отдает пальму первенства в публикации свидетельства (new evidence) аланского присутствия в Иберии именно Д. Браунду (то же делаю и я). Уилер не считает нужным, например, в своей статье 1999 г. говорить о собственном приоритете «в чтении аланской составляющей надписи» на основании статьи 1997 года. Дело не в излишней скромности (для ученого это скорее недостаток, чем достоинство, Уилер этим не страдает, могу сказать на основании переписки с ним), он просто признает то, что есть, и сам объясняет причину, по которой уделит «аланской составляющей» большее внимание, чем Д. Браунд: This inscription supports an hypothesis, first advanced in 1977 (в его диссертации. – **С.П.**) and based on Strabo and other

² Устное разъяснение В.В. Чихладзе (см. также: [24, с. 76, Табл. XVII]).

³ Со слов А.Ю. Виноградова, трактовка АМНАС дана Т.С. Каухчишвили уже в издании «Корпуса» 1990-х гг. Проверить информацию у меня не было возможности, А.А. Туаллагов вполне может этим заняться, следуя своему «историографическому подходу».

⁴ Обстоятельства, приведшие к различным интерпретациям второго слова надписи (АМНАС/АЛАНА) я пытался выяснить в разговорах с Д. Браундом (в Москве) и с авторами находки В.В. Чихладзе и В.В. Николаишвили (в Тбилиси), но, за давностью времени, они не могли припомнить подробности.

evidence, of Sarmatian influence in Iberia. Уилер не забывает о таких своих приоритетах, как теория «сарматизации» Иберии, но первичную оценку жинвальской надписи как источника по аланской истории в свой актив не заносит.

И еще один момент, касающийся Э. Уилера. Он, как и Д. Браунд, трактовал надпись «Бакур-алана» как греческую по языку (Greek inscription reading Bakour Alana) и не задавался вопросом о негреческом ее происхождении. Это при том, что Уилер, как правило, очень внимательно работает с источниками, выявляя и обращая внимание на те, что созданы на неклассических языках. В той же рецензии на книгу Д. Браунда он, например, перечисляет теории происхождения армазского письма в Иберии, включая арамейскую, протогрузинскую, пехлевийскую (парфянскую) и осетинскую [37, р. 59, 79. Note 33]. Отнесение жинвальской надписи к одному из восточноиранских языков (аланскому) было для него неожиданно, в личном письме он обещал мне сослаться впредь на мою статью по «Бакур-алану», опубликованную в Nartamongæ (2003).

Этим я заканчиваю ставшую почему-то щекотливой тему «первенства» в открытии жинвальской надписи, которая проходила в несколько этапов. Находка сделана грузинскими археологами В.В. Чихладзе и В.В. Николаишвили (рис. 1), правильное чтение предложено британским профессором Д. Браундом, за мной остается введение надписи в научный оборот отечественной науки и ее интерпретация как памятника аланского языка и аланской письменности.

Что касается самой интерпретации. Э. Уилер, я, А.С. Балахванцев читаем надпись как «Бакур-алан», видя в первом слове распространенное в древности и средневековье на Кавказе мужское имя, а во втором – аланский этноним. Форма alana с тематической гласной -a⁵ указывает на один из восточноиранских языков, скорее всего – аланский [14, с. 49; 5, с. 133], эту форму, как переходную в эволюции от *aγuana к alan, в свое время вывел В.И. Абаев [1, с. 246], и она получила подтверждение в жинвальской надписи. Такое восприятие, по мнению А.А. Туаллагова, «лежит на поверхности для любого исследователя, занимающегося изучением аланских древностей» [22, с. 163], но я на практике убедился, что это далеко не так. Мне приходилось не раз выступать перед коллегами с этим сюжетом, и всякий раз звучали вопросы, насколько обоснованы выводы для столь краткой надписи, в интерпретации которой

Рис. 1. Верико Чихладзе и Вахтанг Николаишвили. Октябрь 2010 года.

решающей является одна последняя гласная (α вместо ος). Всплывает вопрос, нет ли здесь ошибки резчика, но подобный подход заведомо заводит нас в тупик: как доказать ошибку, если нет материала для сравнения? Преувеличенное недоверие к источнику является вообще неправильным исследовательским приемом. Ошибку надо доказывать, не предполагать. Одна буква, в действительности, может значить много. Возьмем такое греческое имя, как *Петрос*. В разных языках это имя произносится по-разному, но связь с греческим словом остается: по-русски будет *Петр*, по-украински *Петро*, по-немецки – *Петер*, по-английски – *Питер*, по-испански – *Педро*, по-португальски – *Педру*, по-итальянски – *Пьеро*, по-французски – *Пьер*. Мы безошибочно распознаем язык. Сошлюсь на услышанное как-то устное разъяснение И.Н. Данилевского: если в древнерусских текстах встречается имя в форме *Микола*, можно уверенно предполагать южно-русское его происхождение, если *Микула* – северное. Кроме восточноиранского оформления аланского имени, в пользу негреческого происхождения надписи говорит и форма первого слова ΒΑΚΟΥΡ – либо местная (прагрузинская?), либо, скорее всего, – аланская; по-гречески можно было бы предполагать либо ΠΑΚΟΡΟΣ, либо ΒΑΚ(Κ)ΟΥΡΙΟΣ [14, с. 51–52; 5, с. 133].

Если подтвердятся наши выводы относительно аланского языка надписи (а я пока оставляю место для сомнений), это будет большой удачей: древнейшая запись аланским языком и сразу аланский этноним (сравните по степени информативности с древнейшей русской надписью из Гнёздова *горушна/горухища*). Именно потенциальная значимость текста побуждает к осторож-

⁵ А.А. Туаллагов совершенно напрасно сопоставляет тематическую гласную с современным дигорским окончанием: «Окончание -æ до сих пор является одним из обычных окончаний существительных в единственном числе в дигорском диалекте (диг.) осетинского языка» [22, с. 163]. Тематическая гласная – часть основы, с функцией соединительной гласной, не относится к окончаниям как таковым.

ности в трактовках и поиску возможных альтернативных толкований надписи.

По этой причине считаю нужным провести проверку предложения А.А. Туаллагова. Он отвергает трактовку «Бакур-алан», полагая (в соответствии со своим «подходом»), что ее сторонники лишь повторяли толкование антиковеда Э. Уилера относительно *Bakur the Alan*, не обращаясь за помощью к данным, полученным с помощью иранистики. По мнению А.А. Туаллагова, «АЛАНА» представляет собой непосредственное развитие прилагательного **āryāna* – «арийский», т. е. «происходящий из **ārya*» [...] более обоснованным, как представляется, следует считать чтение надписи не как «Бакур-алан» или «алан Бакур», а «Бакур аланский». Неверная, как считает А.А. Туаллагов, трактовка (существительное вместо прилагательного), проистекает из-за того, что ни я, ни А.С. Балахванцев не являемся «специалистами в области иранского языкознания» [22, с. 163–164].

Я, действительно, не отношу себя к знатокам иранских языков, и при необходимости обращаюсь к разработкам специалистов. В данном случае мной принято широко известное объяснение В.И. Абаева, который в своем «Словаре скифских слов» пишет буквально следующее: «*Ālān*, *āllān* ‘название скифского племени’, из *aryana* ‘арийский’, ‘ариец’, ос. *allon* [...] «*Arya* ‘ариец’, ‘арийский’ → *aryana* → *allan* (ala)» [2, с. 277, 280]. Если *aryana* – «ариец», то и *alana* – «алан». Оставляю иранистам рассуждать о том, как и когда произошла субстантивация в слове «арийский (человек?)» = «ариец», для меня значение, которое нахожу у В.И. Абаева, аналогично слову «русский (человек)». А.А. Туаллагов должен возражать не нам, а В.И. Абаеву, если у него найдутся аргументы в подкреплении своей версии.

Поскольку трактовка слова *alana* как прилагательного «аланский» не доказана, сомнительна и попытка А.А. Туаллагова восстановить недостающий для его варианта глагол с диг. (j) *es*, ирон. *i(s)* – «есть», с тем, чтобы фраза получила смысл: «Бакура аланского имущество» [22, с. 167]. Для этого А.А. Туаллагову приходится прибегать к произвольным допущениям: признать составной частью надписи конечную лунарную сигму (с), слабо просматриваемую в месте скола (возможно, уничтожена резчиком), а также предположить утрату начальной буквы *i* в слове *is*⁶, для чего нет никаких намеков (я работал непосредственно с интальей из хранилища Центра археологии Национального Музея Грузии в октябре 2010 года). А.А. Туаллагов пы-

тается увязать текст надписи с изображением козла (козы): «Такое определение вполне подходит, например, для указания на перстень как на собственность “Бакура аланского”, как указание на владение им скотоводческим хозяйством (изображение на интальи), как указание и на первое, и на второе» [22, с. 168], но против этого восстает то, что надпись (конец II–первая четверть III в. н. э.) сделана примерно столетием позже самой геммы (I–II вв. н. э.) с изображением [5, с. 133–134]. Попутное объяснение Туаллагова о том, что надпись «Бакур-алан» не могла появиться из-за опасения нового владельца попасть в «анекдотическую» ситуацию при возможном отождествлении его с изображенным животным [22, с. 166], все-таки слишком замысловато. Здесь нужен профессиональный разбор сюжета (вероятно, религиозного характера), чтобы уточнить возможность корреляции изображения и надписи.

В продолжение темы остановлюсь на роли научных контактов с зарубежными коллегами. А.А. Туаллагов не признает их необходимыми, критикуя мой «историографический подход» в таких выражениях: «Автор сам игнорирует историографию вопроса, постоянно стремясь действовать через работы “ученых западных стран”» [22, с. 162]; «Пользуясь логикой С.М. Перевалова, следовало бы заключить, что “работы грузинских археологов оказались более доступны для ученых западных стран, чем для самих этих грузинских археологов”» [22, с. 163]; «Как прошлые работы “некоторых лингвистов”, так и проанализированные новые материалы основательно противостоят [...] в очередной раз скудной историографической базе работ С.М. Перевалова» [22, с. 165]. На примере открытия надписи «Бакур-алана» я объяснил принципы, которых придерживаюсь в работе с литературой: слежу, насколько это возможно, за публикациями, привносящими новое в исследуемую проблему, пропуская бесполезные. Тот подход хорош, который дает результаты. Мой дает, поскольку обеспечивает получение нового знания: новых (без всяких кавычек) источников, интерпретаций, методик, постановку новых проблем. А.А. Туаллагов, видимо, считает правильным свой «историографический подход». Что же он не помог моему критику самолично выявить древнейший памятник аланской письменности?

К большому сожалению, приходится констатировать, что свойственное советскому времени дистанцирование от мировой науки преодолено далеко не во всех отраслях гуманитарной

⁶ Ср. аналогичную попытку восстановления иронского *i(s)* у Г.Ф. Турчанинова в надписи на абхазской гемме ([23, с. 161]; критика: [18, с. 6]).

науки. Поэтому и сегодня актуально нежелательное в принципе деление исторической науки на «отечественную» и «зарубежную», хотя наука по определению должна быть единой. И оценки «новизны» памятников аланской истории, увы, приходится давать с поправкой на существование разных научных сообществ: тех, кто ориентирован на международный уровень, и тех, кто довольствуется провинциальным. Отечественная аланистика, а она концентрируется, если считать научные кадры, преимущественно в РСО-Алания, – та дисциплина, в которой провинциализм свил особенно прочное гнездо. Напомню оценку десятилетней давности, прозвучавшую из уст директора-организатора Центра скифо-аланских исследований В.М. Гусалова: «Мне уже не раз приходилось высказываться – письменно и устно, о весьма неудовлетворительном состоянии исследований по скифологии и алановедению в Республике Северная Осетия-Алания. Строго говоря, эти направления у нас в принципе даже и не сформировались: некоторые высококлассные работы, которых очень мало, – не в счет. [...] Правилом хорошего тона у нас считается заниматься их историей, не владея древне- и среднеиранским и классическими языками. При этом люди умудряются защищать кандидатские и даже докторские диссертации, скажем, по такой теме: “Аланы в китайских источниках”. Позвольте мне считать такие факты прямым академическим очковтирательством. [...] настоящей науки об “европейских арийцах” у нас как не было, так и нет» [19, с. 27–28].

Одна из причин «неудовлетворительного состояния» – в отрыве от мирового (и прежде всего – от западного) научного сообщества. Проиллюстрирую этот тезис на ситуации, сложившейся в изучении памятников аланского языка. Надежно установленных образцов немного. «Бакур-алан» претендует на то, чтобы быть пятым. Четыре других: Зеленчукская надпись, аланские фразы-приветствия из эпилога «Теогонии» Иоанна Цеца (две версии), Ясский глоссарий, алано-осетинские глоссы Санкт-Петербургской литургической рукописи [3, с. 25]. Речь идет о текстах именно аланского (восточноиранского) языка; ошибочно расширять их список за счет слов аланского происхождения, но из других языков (это делает Туаллагов, считая аланским чисто греческое по форме слово *Уартафарн*). Зеленчукская надпись на каменном надгробии, найденная Д.М. Струковым еще в XIX веке и получившая интерпретацию как алано-осетинская от Вс.Ф. Миллера (1893 г.), ныне утеряна, исследователи вынуждены работать с двумя не лучшего качества копиями. Остальные открытия (датировки по году первой публикации) сдела-

ны уже в XX веке: Ватиканская (опубликована в 1930 г.) и Венская (1953 г.) рукописи с аланскими фразами Иоанна Цеца, Ясский глоссарий (1958 г.), Санкт-Петербургская литургическая рукопись (1992 г.) со староосетинскими (аланскими) глоссами. Все памятники выявлены зарубежными учеными: венграми Д. Моравчиком и Ю. Неметом, австрийцем Г. Хунгером, датчанкой С. Энгберг. Ни один из них не был осетиноведом, даже иранистом: три византиниста и тюрколог. В дальнейшем к изучению памятников подключались специалисты, из советских ученых – В.И. Абаев. Именно ему, имевшему тесные контакты с венгерскими учеными, обязана отечественная наука знакомством с фразами Иоанна Цеца из Ватиканской рукописи XV века (статья В.И. Абаева 1935 г.) и Яским глоссарием (перевод работы Ю. Немета в 1960 г.). В последние десятилетия жизни В.И. Абаев ослабил свою активность, стал меньше следить за литературой, замены ему не нашлось, и достижения западных исследователей перестали поступать к советским ученым.

Так, отечественная аланистика в течение 45 лет (!) находилась в неведении относительно весьма важного для алановедения памятника. В 1953 году Герберт Хунгер опубликовал в статье на немецком языке текст «варварских фраз» Иоанна Цеца по другой, более древней и лучшей сохранныости Венской рукописи XIV века, в аланской части которой читаются некоторые отсутствовавшие в Ватиканской рукописи или неразличимые слова [31]. О находке не знали десятилетиями, еще в 2000 году М.И. Исаев воспроизводил (кстати говоря – с ошибками) текст аланских фраз Цеца по статье В.И. Абаева 1935 года [7, с. 107]. «Варварские фразы» Цеца для отечественных алановедов по Венской рукописи, с оригинальным текстом, критическим аппаратом, транслитерацией и переводом опубликовал в 1998 г. автор этих строк [10], но до сих пор мне приходится сталкиваться с тем, что осетинские лингвисты с ней не знакомы и повторяют устаревшие данные Абаевской статьи 1935 г. А.А. Туаллагов почему-то не высказывает им (как и себе) претензии по поводу «скудной историографической базы».

В связи с долгим введением в научный оборот текста аланских приветствий Иоанна Цеца отмечу следующее. Научное сообщество разделено не только по странам, но и по дисциплинам (история, филология, археология, антиковедение, византистика, медиевистика и т. д.), и подчас наличие дисциплинарных границ мешает эффективному сотрудничеству. Публикация Г. Хунгера в византиноведческом журнале долгое время была невостребованной не только в отечественной, но и в зарубежной иранистике.

О ней не знали ни Я. Харматта [30, р. 62–63], ни Х. Бейли, опубликовавший в 1985 г. лингвистическое дополнение к энциклопедической статье «Аланы» в престижнейшей «Иранской энциклопедии» Э. Яршатера [26, р. 803]. Лишь после статьи Р. Бильмайера 1993 года [27] ученые проявили к ней должное внимание. Византисты работу Г. Хунгера знали и использовали [6, с. 361; 34, р. 183, 257 f.], но иранисты и алановеды к ним не заглядывали, видимо, следуя изоляционистскому «историографическому подходу», так активно отстаиваемому А.А. Туаллаговым.

Существующее положение вещей приходится учитывать и при отнесении памятников аланского прошлого к «новым» или «старым». Варварские фразы Цеца в полном варианте, надпись «Бакур-алана» – новые или старые? В мировой историографии первые известны с 1953 года – с публикации Г. Хунгера, но в отечественной аланистике – только с 1998 г., с публикации моей статьи, т. е. для российских исследователей это «новый» памятник. То же – с надписью «Бакур-алана»: впервые опубликована в 1994 году Д. Браундом, но в отечественной литературе по аланам упоминается только с 2002 года, с этого момента источник считается введенным в научный оборот конкретной дисциплины. Напоминаю, что такой же подход демонстрирует Э. Уилер для жинвальской надписи: хотя она найдена еще в 1974 г. (у него – 1976 г.), но на «Западе» стала известна только из работы Д. Браунда 1994 года (см. выше). Такие вещи следует различать, чтобы иметь адекватное представление о степени продвинутости нашей науки, действительно ее месте в мировой иерархии знаний.

Нужно расширять междисциплинарные связи внутри и за пределами российского научного сообщества – такой, вполне банальный вывод напрашивается по итогам нашего историографического обзора. Последний пример на эту тему – открытие аланских (старосетинских) глосс на полях Санкт-Петербургской литургической рукописи (БАН Q 12), сделанное С. Энгбергом (Копенгаген) и А. Лубоцким (Лейден), и начавшаяся их публикация. Три из 32 глосс (не все из них осетинские) были опубликованы усилиями В.М. Гусалова в журнале *Nartamongæ* (2003) [29]. Об этом немедленно объявили как об одном из «важнейших научных достижений» Владикавказского научного центра, хотя открытие сделано не республиканскими и даже не российскими учеными; при этом указывалось, что опубликована вся рукопись с 30 глоссами: «Осуществлена публикация уникальной рукописи с тридцатью аланскими маргинальными глоссами – четвертого достоверного памятника аланского языка

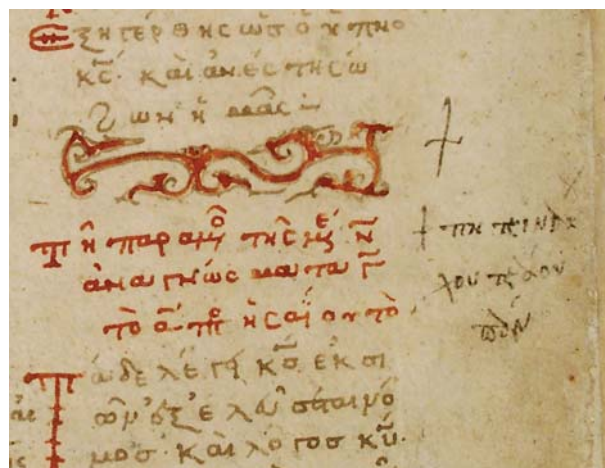

Рис. 2. Лист 100 г рукописи БАН Q 12

– византийского литургического манускрипта XIII века» (из «Отчета ВНЦ за 2003 год», стр. 3). В дальнейшем уже я, основываясь не на рукописи, а на заметке в Интернете, помещенной С. Энгбергом, и некоторых доступных мне фотокопиях, попытался определить остальные глоссы: в моей подборке аланских (старосетинских) оказалось 19 из 32 [16]. Мы списались с А. Лубоцким, он одобрил статью и, в частности, заинтересовался глоссой № 10 моего списка. Публикую его письмо.

Uvazhaemyj d-r Perevalov!

Bol'shoye spasibo za prislannuju Vami prekrasnuju stat'ju. Vy v bol'shinstve sluchaev, kak mne kazhetsja, vpolne pravil'no istolkovali glossy. Nekotorye glossy sleduet chitat' inache. Kak ja odnazhdy govovil Gusalovu, Vasha 10-aja glossa chitaetsja, skoree vsego, pitzinak xutzaupan. Ja interpretiruju eti slova kak «pechenegskoe voskresen'e», chto ne tak stranno, kak kazhetsja na pervyj vzgljad: vizantijcy kakoe-to vremja otmechali prazdnik pobedy nad pechenegami, v kotoroj im sil'no pomogli alany.

Problema v tom, chto «Midpentekost» (vy netochno peredaete eto slovo v Vashej stat'je -- eto seredina perioda mezhdru Pasxoj i Troicej) prixoditsja na chetverg, a ne navoskresen'e. V chem tut delo -- ja ne znaju.

Menja ochen' zainteresovalo citiruemoe Vami digorskoe slovo istbon «prazdnik» -- ja ego ne znal. Kak xorosho ono zasvidel'stvovano?

*Eshche raz spasibo,
Alexander Lubotsky*

Sun, 06 May 2007 21:20:53 +0200

Обсуждаемая глосса (№ 10) была прочитана А. Лубоцким как *pitzinak xutzaupan* – *πητζινάκ χουτζάου πάν* – «Печенежское Воскресенье (= Божий день)» (рис. 2). Дальнейшее исследование совместно с московским ви-

зантинистом С.А. Ивановым (и здесь сотворчество с «западным» ученым!) позволило придти к обоснованному выводу о том, что Печенежское воскресенье, падающее на середину временного отрезка между праздниками Пасхи и Св. Троицы, праздновалось в странах Византийского содружества в честь победы Иоанна II Комнина (1118–1143 гг.) над печенегами, о которой сообщает Никита Хониат. Ввиду подвижности дней христианских праздников точная дата события колеблется в

зависимости от года, когда случилась победа: то мог быть либо 1122, либо 1123 год. В первом случае праздничная дата относится к 20–22 (24–26) апреля, во втором – 10–12 (14–16) мая [32].

Неистолкованных глосс рукописи БАН Q 12 еще много, и они ждут своего часа и своего исследователя. Как и множество других, еще не открытых, не прочитанных, не понятых источников, изучая которые только и можно выйти на широкие просторы исторических обобщений.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Абаев В.И.** Осетинский язык и фольклор. I. М.: Л., 1949.
2. **Абаев В.И.** Скифо-сарматские наречия // Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. М., 1979. С. 272–364.
3. **Алемань А.** Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М., 2003.
4. **Балаханцев А., Николаишвили В.** «Бакур-алан» из Древней Иберии // Междунар. науч. конференция «Археология, этнология, фольклористика Кавказа». Сб. кратких содержаний докладов. Тбилиси, 25–27 июня 2009 г. Тбилиси, 2010. С. 74–76.
5. **Балаханцев А., Николаишвили В.** «Алан Бакур» из Древней Иберии // Российская археология. 2010. № 4. С. 130–135.
6. **История Византии** в 3-х тт. Т. 2. М., 1967.
7. **Исаев М.И.** Аланский язык // Языки мира: Иранские языки. III. Восточноиранские языки. М., 1999. С. 105–107.
8. **Молчанов А.А.** Древние гидронимы Восточной Европы (по поводу книги Г.Шрамма «Реки Северного Причерноморья» // Древнейшие государства Восточной Европы. 1996–1997. Северное Причерноморье в античности: Вопросы источниковедения. М., 1999. С. 368–372.
9. **Муравьев С.Н.** Птолемея карта Кавказской Албании и уровень Каспия (Постановка вопроса. Системный анализ карты, предварительная локализация рек и поселений, стратегия дальнейших поисков) // Вестник древней истории (ВДИ). 1983. № 1. С. 117–147.
10. **Перевалов С.М.** Еще раз о варварских фразах в «Теогонии» Иоанна Цеца // Проблемы истории, филологии, культуры (ПИФК). Вып. 5. М.; Магнитогорск, 1998. С. 116–122.
11. **Перевалов С.М.** Аланы в надписях I–III вв. // XXII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа (тез. докл.). Ессентуки; Кисловодск, 2002. С. 106–108.
12. **Перевалов С.М.** Современное состояние аланских исследований в России (по поводу кн.: Габуев Т.А. Ранняя история алан по данным письменных источников. Владикавказ, 1999) // ВДИ. 2002. № 2. С. 207–215.
13. **Перевалов С.М.** Восстание дилетантов: российская историография на рубеже веков // Вестник Владикавказского научного центра (ВНЦ). 2002. № 3. С. 2–9; № 4. С. 2–18.
14. **Перевалов С.М.** Бакур-алан из древней Иберии // Nartamongae. 2003. II. № 1–2. С. 47–56.
15. **Перевалов С.М.** Ex fonte bibere. Актуальная проблема отечественного алановедения // Гуманитарная мысль Юга России. Региональный научный журнал. 2006. № 1. С. 19–30.
16. **Перевалов С.М.** Из истории открытия Петербургской рукописи БАН Q 12 с аланскими глоссами // Вестник ВНЦ. 2007. № 1. С. 17–22.
17. **Перевалов С.М.** Древнейшая аланская надпись: pro et contra // Аланы и асы в этнической истории регионов Евразии. Мат. Всероссийской науч. конф. с междунар. участием 24–26 июня 2010 г. Карачаевск, 2010. С. 200–204.
18. **Перевалов С.М.** Аланская эпиграфика. 1. Каталог греческих надписей // Вестник ВНЦ. 2011. № 1. С. 2–10.
19. **«Проблемы и перспективы республиканской науки».** Мат. «круглого стола», посвященного Дню науки (8 февраля 2002) // Вестник ВНЦ. 2002. № 1. С. 26–35.
20. **Рамишвили Р.М., Джорбенадзе В.А.** Археологические исследования в зоне строительства Жинвальского гидротехнического комплекса // Археологические исследования на новостройках Грузинской ССР. Тб., 1976. С. 30–44.
21. **Туаллагов А.А.** Сведения «Ашхарауцц» об аланах // Известия СОИГСИ. 2010. № 4 (43). С. 24–36.
22. **Туаллагов А.А.** Аланы Центрального Предкавказья и «новые» эпиграфические памятники (некоторые вопросы историографии) // Материалы и исследования по отечественной и зарубежной истории: к 70-летию доктора исторических наук профессора А.А. Кудрявцева. Ставрополь, 2011. С. 157–175.
23. **Турчанинов Г.Ф.** Древние и средневековые памятники осетинского письма и языка. Владикавказ, 1990.
24. **Чихладзе В.В.** Арагское ущелье в первой половине I тыс. н.э. (по материалам Жинвальского могильника). Дисс. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1999 (на груз. яз.).
25. **Шрамм Г.** Реки Северного Причерноморья. Историко-филологическое исследование их названий в ранних веках. М., 1997.
26. **Bailey H.W.** Alans. Additional notes // Encyclopaedia Iranica / Ed. F. Yarshater 1985. Vol. I. Fasc. 8. P. 803.
27. **Bielmeier R.** Das Alanische bei Tzetzes // Medioiranica. Ed. by W. Skalmowski & A. Van Tongerloo. Leuven, 1993. S. 1–28.
28. **Braund D.** Georgia in Antiquity. A History of Colchis and Transcaucasian Iberia 550 B.C. – A.D. 562. Oxford, 1994.
29. **Engberg S., Lubotsky A.** Alanic Marginal Notes in a Byzantine Manuscript: A Preliminary Report // Nartamongae. 2003. II. № 1–2. P. 41–46.
30. **Harmatta J.** Studies in the History and Language of the Sarmatians. Szeged, 1970.
31. **Hunger H.** Zum Epilog der Theogonie des Johannes Tzetzes. Neue Lesungen und Ergänzungen, besonders zu den alt-ossetinischen Sprachresten, aus einer bisher unbekanntem Handschrift der Österreichischen Nationalbibliothek (Phil. gr. 118) // Byzantinische Zeitschrift. 1953. Bd. 46. S. 302–307.
32. **Ivanov S.A., Lubotsky A.** An Alanic Marginal Note and The Exact Date of John II's Battle with the Pechenegs // Byzantinische Zeitschrift. Bd. 103/2. S. 595–603.
33. **Kauchtschischwili T.** Korpus der Griechischen Inschriften in Georgien. 3-te verarb. u. erweiterte Aufl. Tbilisi, 2009 (in Georgien).
34. **Kazhdan A.P., Epstein A.W.** Change in Byzantine Culture in the 11-th and 12-th centuries. Berkeley etc., 1985.
35. **Kouznetsov V., Lebedynsky I.** Les Alains. Cavaliers des steppes, seigneurs du Caucase Ier–XVe siècles apr. J.–C. Paris, 2005.
36. **Perevalov S.M.** Les phrases alaines de Tzetzes // D'Ossétie et d'Alentour. Bulletin de l'association ossète en France. № 3. Paris, 1997. P. 4–9.
37. **Wheeler E.L.** A New Book on Ancient Georgia: A Critical Discussion // The Annual of the Society for the Study of Caucasia. 6–7. 1994–96. 1997. P. 51–78.
38. **Wheeler E.L.** From Pityus to Zeugma: The northern sector of the eastern frontier 1983–1996 // Roman Frontier Studies. Proceedings of the XVII-th International Congress of Roman Frontier Studies. Žalau, 1999. P. 215–229.